

Холодный тон упал на лепестки, ударился о сплетение ветвей, нарушив ночное одиночество.

Шэнь Сичжоу позволил себе на секунду отвлечься и подумать, что, пожалуй, впервые назвал собеседника по имени.

Имя Хэ Цюянь казалось на удивление труднопроизносимым.

Шэнь Сичжоу произнес:

— Вы знаете, сколько людей в этом мире?

Хэ Цюянь на мгновение замер, но тут же ответил:

— Пожалуй, миллиардов семь-восемь.

— А вы знаете... — Шэнь Сичжоу собрался с духом и снова посмотрел в эти пронзительные, похожие на хлыст глаза, от которых невозможно было спрятаться, — сколько на небе звезд?

Хэ Цюянь посмотрел на него, покачал головой и честно ответил:

— Не знаю.

— Вот и я просто считаю звезды.

Шэнь Сичжоу улыбнулся, в его выражении промелькнула самодовольная и очаровательная хитрость. Он поднялся на ноги и сказал Хэ Цюяню:

— Я пойду отдыхать. Сладких снов.

— Эй. — Хэ Цюянь резко протянул руку, словно в шутку очерчивая запястье Шэнь Сичжоу. Заметив, как тот невольно напрягся и сжался от испуга, он тут же отпустил его. Шэнь Сичжоу обернулся.

Хэ Цюянь, редко терявший дар речи, наконец тихо произнес:

— И тебе сладких снов.

Температура в Шангри-Ла падала с каждым днем, и туристов на улицах становилось все меньше. Зато Шэнь Сичжоу стал выходить на прогулки гораздо чаще.

Стоял прекрасный солнечный день, и в нем наконец созрело желание выйти и как следует погулять по городу.

За завтраком он снова случайно столкнулся с Хэ Цюянем.

Тот нес поднос с едой и, видимо, находясь под впечатлением от вчерашнего короткого случайного разговора, совершенно естественно и привычно уселся напротив него.

Шэнь Сичжоу уткнулся в тарелку, собираясь сделать вид, что не заметил его, но сообразил, что это будет выглядеть слишком наигранно, и в конце концов поднял голову, слабо улыбнувшись Хэ Цюяню.

Хэ Цюянь слегка замер и беззастенчиво разоблачил его:

— Очень фальшиво.

Улыбка застыла на щеках Шэнь Сичжоу, а уголки губ мгновенно вытянулись в прямую линию.

Хэ Цюянь снова заговорил:

— Доброе утро.

Шэнь Сичжоу всё так же вежливо кивнул в ответ:

— Доброе утро.

— Куда собираешься сегодня? — как бы между прочим поинтересовался Хэ Цюянь. — Есть планы?

Шэнь Сичжоу чуть-чуть наклонил корпус в сторону, стараясь не сидеть лицом к лицу с Хэ Цюянем. Опустив взгляд, он с трудом проглотил уже отправленный в рот кусок, а затем вытянул салфетку и промокнул губы.

— Просто погуляю.

Шэнь Сичжоу резко поднялся:

— Я наелся, до встречи.

Хэ Цюянь посмотрел на оставшуюся в тарелке еду.

Тот и так взял совсем немного, да и просидел всего ничего.

Он ел катастрофически мало.

Хэ Цюянь поднял голову и окликнул его. Его голос звучал холодно, и, если прислушаться, в нем угадывалось легкое недовольство.

— Шэнь Сичжоу.

Хэ Цюянь опустил палочки, приподнял брови и внимательно, с набоженным любопытством вгляделся в его лицо:

— Я тебе так сильно неприятен?

Шэнь Сичжоу замер, не понимая, откуда у этого человека мог взяться такой вывод.

Но если задуматься всерьез, Шэнь Сичжоу чувствовал, что, пожалуй, действительно не особенно жаловал Хэ Цюяня, однако до настоящей неприязни дело все же не доходило.

Просто срабатывал инстинкт: на подсознательном уровне ему не хотелось иметь с этим человеком слишком много общего.

От такого неожиданного вопроса Шэнь Сичжоу растерялся — редкий для него случай. Впрочем, замешательство длилось лишь мгновение, после чего он спокойно возразил:

— С чего бы? Я не стану просто так испытывать неприязнь к... э-э... — Шэнь Сичжоу нахмурился и выдал железный аргумент: — Мы ведь знакомы совсем недавно.

Этот человек провел границу настолько четко: ответил на вопрос, отгородил их друг от друга и заодно, судя по всему, мягко предостерег от нарушения субординации.

Хэ Цюянь же, казалось, ничего не замечал и не понимал. Он еще сильнее надавил на самую чувствительную струну Шэнь Сичжоу:

— Раз не неприятен, составь мне компанию, съездим кое-куда.

Можно?

Шэнь Сичжоу едва заметно нахмурился, глядя на него, и на мгновение лишился дара речи.

Хэ Цюянь заговорил снова, не давая ему опомниться и требуя немедленного ответа:

— Можно? Пожалуй, ты можешь расценивать это как искреннюю просьбу. У меня здесь нет друзей.

Друзей... Шэнь Сичжоу долго молчал.

Хэ Цюянь улыбнулся и произнес:

— Садись, поешь еще. Не хватало только снова довести себя до гипогликемии. Скоро выдвигаемся.

Шэнь Сичжоу даже не успел отказаться, потому что Хэ Цюянь заявил почти оскорбительную вещь:

— Иначе с тобой будет слишком много хлопот.

Хэ Цюянь все так же мягко улыбался, и Шэнь Сичжоу даже не мог понять, доходит ли эта улыбка до его глаз.

Его слова звучали донельзя бесцеремонно, невоспитанно и не по-джентльменски, но сам он при этом лучился благожелательностью, изливал утонченное изящество и казался невероятно мягким и обаятельным.

Тошнотворно.

Шэнь Сичжоу слегка разозлился. Нахмурившись, он холодно бросил:

— Я наелся.

И добавил прямо:

— Я бы посоветовал боссу Хэ отправиться туда в одиночестве, а не тащиться в компании такого проблемного человека, как я.

Услышав дрожащие от раздражения нотки в его голосе, Хэ Цюянь протянул руку и легко похлопал Шэнь Сичжоу по предплечью. Кожа под пальцами была очень холодной; Хэ Цюянь тут же убрал руку и беспрекословным тоном, полностью проигнорировав протест в словах Шэнь Сичжоу, произнес:

— Может, мне пересесть за другой столик?

Он тут же собирался встать. У Шэнь Сичжоу возникло неприятное ощущение, будто его насквозь видят, а еще беспомощность перед лицом собственной неспособности дать жесткий отпор. Поборов внутреннее сопротивление, он из чистого чувства мести тяжело опустил руку на плечо Хэ Цюяня, сам сел на место и холодно бросил:

— Не нужно.

Хэ Цюянь улыбнулся и тихо проговорил:

— Детский каприз.

Шэнь Сичжоу впился зубами в сэндвич и недовольно уставился на собеседника. Он уже вовсе не собирался соблюдать светские приличия — в конце концов, этот человек казался начисто лишенным подобных понятий. Поэтому и его ответ прозвучал без всяких церемоний:

— Куда уж мне до босса Хэ.

Хэ Цюянь никак не ожидал от Шэнь Сичжоу столь агрессивной отповеди, ведь тот с самого момента принятия решения о продлении проживания на месяц вел себя со всеми исключительно дружелюбно и вежливо. Почувствовав удивление и забаву, он решил немного подразнить его:

— И в чем же я уступаю?

Шэнь Сичжоу окинул Хэ Цюяня острым, нескрываемым взглядом с ног до головы и медленно произнес:

— Возрастом.

Вообще-то это заявление было весьма предвзятым, и, произнося его с невозмутимым видом, он даже немного покривил душой. Хэ Цюянь выглядел невероятно молодо — и по стилю одежды, и по лицу. Единственным, что выдавало в нем человека постарше, пожалуй, была глубина характера, обласканного рекой времени, да непринужденность и свобода в каждом движении, свойственные зрелому человеку.

А еще его глаза. Взгляд не острый, но будто бы способный просквозить всё насквозь.

Хэ Цюянь рассмеялся.

Он ничуть не смутился, кивнул и сказал:

— Никогда еще не слышал от тебя столь едких замечаний.

Допив молоко, Шэнь Сичжоу вытер рот, а затем принялся тщательно и аккуратно вытирать руки. Он никак не мог взять в толк, как вообще можно быть настолько прямолинейным.

Тут Хэ Цюянь выдал кое-что похлеще: приподняв руку, он слегка указал на него:

— У тебя даже кончики ушей покраснели.

Шэнь Сичжоу глянул на экран телефона и холодно покосился на собеседника:

— Босс Хэ может продолжать трапезу в собственном темпе.

Хэ Цюянь неторопливо опустил палочки, вытер руки и поднялся:

— Я закончил, пойдем.

Спустя секунду он покачал головой и вздохнул, всем своим видом изображая оскорбленную невинность:

— Больше не вынесу отказов.

Шэнь Сичжоу молча поднялся.

Хэ Цюянь посмотрел на него:

— Вернись в комнату и надень что-нибудь потеплее, на улице холодно.

— Я не мерзну, — ответил Шэнь Сичжоу. — Спасибо, мне и так хорошо.

Вспомнив недавнее ощущение холодной кожи под своими пальцами, Хэ Цюянь отдал приказ практически командным тоном:

— Иди переодейся.

Шэнь Сичжоу чувствовал, что этот человек окончательно портит ему настроение. Плюнув на всё, он ответил подчеркнуто скверным тоном:

— Пусть босс Хэ внесет ясность: я вам не сотрудник, я всего лишь постоялец. — С легкой

насмешкой он добавил: — И уж тем более я вам не друг.

И прямо выпалил:

— Вам не кажется, что вы слишком сильно во все вмешиваетесь?

— Только «слишком сильно»? — Хэ Цюянь прислонился боком к стене лестничного пролета и с безмятежным видом уставился на Шэнь Сичжоу, отвечая совсем не на то, что тот имел в виду: — А я-то гадал, когда же ты это выскажешь.

Шэнь Сичжоу посмотрел на него холодным, рассерженным взглядом:

— Что вы имеете в виду?

— Ничего особенного, — отозвался Хэ Цюянь. — Считаю меня просто боссом, любящим совать нос в чужие дела.

— Подхватить здесь простуду или температуру — это действительно опасно, — вернув себе мягкий вид, Хэ Цюянь перешел на проникновенные, почти ласковые уговоры: — Если у тебя нет вещей потеплее, можешь ненадолго надеть мои, я не против. — Он пожал плечами, лучезарно улыбнувшись: — К тому же мне кажется, что между нами есть какая-то связь.

Иди, я жду тебя в холле на первом этаже.

Шэнь Сичжоу замкнулся еще сильнее, от него повеяло такой отчужденностью, что даже воздух вокруг похолодал. Он изо всех сил впился ногтями в ладони, только так сумев подавить подступающие тошноту и отвращение.

Хэ Цюянь спокойно проводил взглядом удаляющуюся фигуру Шэнь Сичжоу.

Вернувшись в номер, Шэнь Сичжоу с раздражением разжал кулак, достал из чемодана пуховик и сменил его на шерстяное пальто.

Словно махнув на всё рукой, он прислонился спиной к косяку двери. Хэ Цюянь вызывал в нем сильнейший дискомфорт. Его напористость, нарушение личных границ и этот пронизывающий взгляд — всё это доставляло невероятные, просто невыносимые муки.

Ему не хотелось в этом признаваться, но... он чувствовал себя немного не в своей тарелке.

Однако размышлять дальше ему не дали: в дверь раздался короткий стук.

Шэнь Сичжоу сразу понял, кто там.

И именно потому, что в ту самую секунду, когда посчитался стук, он отчетливо осознал, кто стоит по ту сторону двери, тревога внутри вспыхнула с новой силой. Она походила на степной пожар, который невозможно ни потушить, ни взять под контроль, ведь ситуация давно вышла из-под его влияния и рассыпалась на части.

Ему было не спастись.

Какое опасное место, — вдруг пронеслась в голове Шэнь Сичжоу мысль.

В этом краю, стоило провести здесь всего какую-то дюжину дней, как он уже успел запомнить чужие привычки и особенности:

Мэй До в свободное время любила надувать губы, потому что боялась, что от частых улыбок у нее сильнее обозначатся носогубные складки.

А Дуньчжу вовсе не заикался — просто плохо говорил по-китайски, зато на тибетском изъяснялся звучно, уверенно и свободно.

<http://bllate.org/book/25607/3053987>